

СЕРГЕЙ

ТРУШЕВ

КОРОЛЬ ДУШ

Сергей Патрушев

Король душ

«Автор»

2026

Патрушев С.

Король душ / С. Патрушев — «Автор», 2026

Говорят, когда ты умираешь во второй раз, бояться уже нечего. Дмитрий убедился в обратном на руинах собственного мертвого тела. Попав в Измерение душ - серый океан между жизнью и вечностью, - он стал системной ошибкой. Призраком с изъяном, который не должны были выпускать в тираж. Его оружие рождается из вины, а щит сплетен из любви к матери, оставшейся по ту сторону барьера. В мире, где души сортируют как товар, а высшие пожирают низших ради силы, Дмитрию отведена роль мусора на конвейере Реквизитория. Но у строительного раствора его воли есть уникальное свойство: под давлением он становится крепче алмаза. Теперь за ним охотятся Инквизиция Равновесия и легионы Скверны. Его наставница — палач с лицом святой, чьи раны светятся серебром, скрывает тайну, способную разрушить самую ткань реальности.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Изгнание из плоти	5
Глава 2. Красноволосая наставница	13
Гла	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Патрушев

Король душ

Глава 1. Изгнание из плоти

Запах озона и жженой резины ударил в ноздри первым. Он был настолько густым, что казался осязаемым, плотным чёрным дымом, забившимся в легкие. За ним последовала боль. Но не острая, разрывающая тело на части, а глухая, ватная, пульсирующая где-то глубоко под ребрами, словно кто-то медленно проворачивал внутри тупой ржавый нож.

Дмитрий открыл глаза.

Над головой висело серое, низкое небо. Оно не было затянуто тучами, оно само по себе состояло из этой тяжелой, влажной свинцовой массы, которая обычно опускается на город за полчаса до первого снега. Ни солнца, ни луны, ни единого просвета. Только бесконечный, клубящийся туман, который цеплялся за невидимые нити воздуха и медленно тек горизонтально, вопреки всем законам физики.

Он попытался пошевелиться. Тело отозвалось странной легкостью. Не той приятной невесомостью, которую обещают в рекламе ортопедических матрасов, а пугающей пустотой. Дмитрий сел. Асфальт под ним был мокрым, но холода он не чувствовал. На нем была та же самая джинсовая куртка, в которой он выходил из дома сегодня утром, те же самые выцветшие синие кроссовки. На левом рукаве темнело пятно от пролитого кофе. Часы на запястье показывали 14:17. Вторник.

Пятнадцать минут назад часы показывали 14:02. Он помнил это абсолютно точно, потому что именно в 14:02 маршрутка, в которой он ехал с работы, резко вильнула вправо, уходя от вылетевшей на встречную полосу фуры. Помнил истошный женский визг. Помнил, как старенький «Форд» впереди них сложился гармошкой, врезаясь в столб фонарного освещения. И помнил слепящую вспышку, когда их маршрутка, потеряв управление, боком въехала в опору моста. Вспышка была последним, что зафиксировало его сознание.

Значит, прошло пятнадцать минут. Значит, скорая уже должна быть здесь. Где сирены? Где крики людей?

Дмитрий поднялся на ноги. Колени предательски дрогнули, но устояли. Он стоял посреди проезжей части. Вокруг него, застыв во времени, замерла картина абсолютного хаоса.

Справа от него, развернувшись поперек дороги, стояла их желтая маршрутка-газель. Передняя дверь была распахнута настежь. Внутри, скрючившись в неестественных позах, сидели люди. Водитель лежал грудью на руле, его затылок представлял собой сплошное кровавое месиво. Пассажирка, заходившаяся в крике перед аварией, так и осталась с открытым ртом, ее палец указывал куда-то вперед. Рядом с ней подросток в наушниках смотрел в окно стеклянными глазами. Никто из них не дышал. Из ушей женщины тонкой струйкой стекала на виниловое сиденье темная кровь.

Слева громоздился искореженный металл. Тот самый «Форд», синий капот которого теперь находился где-то под приборной панелью. А прямо по курсу, метрах в десяти, лежало тело.

Оно лежало лицом вниз, нелепо подогнув одну руку под живот. Ноги были босыми — один кроссовок валялся в метре, зацепившись шнурком за кусок арматуры, торчащий из ограждения моста. Джинсы разорваны на колене. Спина белой футболки стремительно набухла темно-красным.

Дмитрий сделал шаг вперед. Его подошва не оставила следов на мокром асфальте. — Эй, — хрипло позвал он. Голос прозвучал глухо, будто он говорил через плотно прижатую подушку. — Мужик. Ты живой?

Тело не ответило. Капля дождя сорвалась с невидимого неба и упала Дмитрию на щеку. Она прошла сквозь кожу, не оставив даже ощущения влаги. Просто исчезла, растворившись в том месте, где должно было находиться его лицо.

Холод липкого ужаса пополз вверх по позвоночнику. Это сон. Банальный, дешевый кошмар после удара головой. Сейчас он ущипнет себя, проснется в реанимации, будет пахнуть хлоргексидином, и строгий врач скажет, что ему повезло собрать все кости.

Дмитрий посмотрел на свою правую руку. Она выглядела нормальной. Обычная мужская рука, ногти коротко стрижены, на большом пальце старый шрам от консервного ножа. Он выставил ладонь вперед и медленно пошел к своему телу. К *своему* телу. Мозг отказывался принимать иную формулировку.

Шаг. Еще шаг. Расстояние сокращалось. Он вытянул указательный палец, намереваясь дотронуться до плеча, ощутить теплую, пусть и быстро остывающую человеческую плоть, доказать самому себе абсурдность происходящего.

Его палец вошел в плечо без малейшего сопротивления. Никакого толчка, никакой плотности мышц или кости. Словно он пытался коснуться густого тумана. Дмитрий нажал сильнее, почти по локоть погрузив руку в собственную спину. Ощущение было омерзительным — полная потеря физических границ, зияющая дыра там, где должен был быть закон непроницаемости материи.

Он отдернул руку и отпрыгнул назад, поскользнувшись на невидимой луже. Замер, тяжело дыша. Воздух входил в него и выходил, грудная клетка поднималась, сердце билось о ребра гулками, быстрыми ударами. Он определенно был жив. Он мыслил, паниковал, чувствовал страх. Но физика этого места больше для него не работала.

Внезапно справа раздался звук. Громкий, резкий хлопок автомобильной двери.

Дмитрий обернулся. Наваждение начало спадать: время возвращалось в этот серый аквариум. Люди двигались. Медленно, тягуче, как в воде, но они оживали. Из остановившегося черного внедорожника выскочили двое мужчин в форме ДПС. Один бросился к синему «Форду», второй, доставая на ходу рацию, побежал к маршрутке. Со стороны центра города наконец-то послышался нарастающий вой сирен скорой помощи.

Мимо Дмитрия, глядя прямо сквозь него, пробежал парень лет двадцати пяти. Он держался за окровавленный бок, его губы беззвучно шевелились — наверное, он звал на помощь, но в мире призраков звуки имели другую плотность. Парень задел Дмитрия плечом.

Это было похоже на прохождение сквозь ледяной порыв ветра. Холод продрал до костей, вызвав мгновенную тошноту. Дмитрий почувствовал, как частицы его собственной сущности возмущенно всколыхнулись, нарушенные вторжением живого человека. Живые проходили сквозь него, не замечая, оставляя лишь фантомный холод чужого биополя.

Паника сменилась животным, первобытным ужасом. Он мертв. Или умирает прямо сейчас, стоя рядом со своим собственным трупом. Врачи вытащат его, положат на носилки, повезут в Склиф, будут бить током в грудь, ломая ребра, но он останется стоять здесь, в этом тумане, навсегда привязанный к месту своей гибели.

— Нет, — прошептал он. — Я не хочу. Пожалуйста. Мама...

Имя самого близкого человека сорвалось с губ отчаянным выдохом. Если бы он мог плакать, слезы давно залили бы ему глаза. Но слезные железы тоже остались там, внизу, в теле, которое медики только что переложили на пластиковую каталку, накрыли черным пакетом и понесли к машине.

Дмитрий закрыл лицо руками. Ладони прошли сквозь макушку, вызывая головокружение. Ему нужно найти кого-то. Кто объяснит. Кто скажет, куда идти. Чистилище? Лимб? Может ли призрак просто сесть в такси? Усмехнувшись собственному безумию, он опустил руки.

И увидел его.

Метрах в тридцати, прямо над парапетом моста, откуда открывался вид на грязную ленту Москвы-реки, стоял человек.

Он не появился из тумана. Он просто возник, заполнив собой пространство, словно изображение на проявляющейся фотобумаге. Высокий, невероятно худой, облаченный в длинную мантию цвета старого пепла. Ткань не имела швов, она казалась цельнокроеной из самой субстанции этого серого мира. Лица видно не было — голову скрывал глубокий капюшон, внутри которого клубилась такая же непроглядная мгла, как и в небе.

Фигура не двигалась. Она просто смотрела на Дмитрия. По крайней мере, тому казалось, что на него смотрят — ощущение тяжелого, оценивающего взгляда давило на затылок физически ощутимым грузом.

Первым порывом было броситься к нему. Закричать: «Помогите! Вызовите мне скорую! Сделайте что-нибудь!» Но слова застряли в горле. От незнакомца исходила абсолютная, монументальная неправильность. Он не принадлежал этому миру аварии, мигалок и суетящихся врачей. Он вообще не принадлежал мирам, которые можно измерить линейкой.

Дмитрий сделал осторожный шаг навстречу. Незнакомец никак не отреагировал. Тогда Дмитрий побежал. Он бежал неуклюже, высоко подбрасывая колени, боясь снова провалиться сквозь землю. Десять метров. Пять.

Когда между ними оставалось расстояние вытянутой руки, фигура в мантии начала меняться. Серый капюшон плавно повернулся, следуя за движением Дмитрия, а затем начал медленно оседать. Плоть — если это была плоть — стекла вниз, подобно раскаленному воску. Плечи сузились, рост уменьшился. Спустя три секунды на месте величественного стража стоял обычный пожилой мужчина в потертом сером плаще. Типичный московский пенсионер, каких тысячи в метро. Он моргнул, поправил на носу очки в дешевой металлической оправе и совершенно будничным голосом спросил: — Вы крайним стоите?

От неожиданности Дмитрий отшатнулся. Старик смотрел мимо него, чуть левее, явно обращаясь к кому-то в очереди. Очереди не было. Был только мост, разбитые машины и удаляющийся вой сирен.

— Подождите! — выкрикнул Дмитрий, протягивая руку. — Что происходит?! Я... я умер? Почему меня никто не видит?

Старик-оборотень вздохнул. Этот тяжелый, уставший вздох древнего существа заставил туман вокруг них на мгновение уплотниться. Он поднял сухую, покрытую пигментными пятнами руку и указал ею куда-то за спину Дмитрия. — Касса закрылась еще в прошлом квартале, молодой человек. Просьба пройти к терминалу самообслуживания.

Дмитрий проследил за его жестом. Там ничего не было. Только бетонный блок заграждения. — Какой терминал?! Посмотрите на меня! Я прозрачен! Меня сбила машина!

— Все мы кем-то сбиты, философ, — равнодушно бросил старик. Он зевнул, прикрыв рот ладонью, и вдруг начал рассыпаться. Сначала облетел воротник плаща, превратившись в горстку серой пыли, потом осыпались руки, обнажая висящие в воздухе манжеты рубашки. Через секунду на месте пенсионера остался лишь контур из того же пепла, который тут же подхватил ветер и развеял над рекой.

Взрыв бессильной ярости охватил Дмитрия. Он сжал кулаки, чувствуя, как дрожат плечи. Безумие. Массовое, коллективное безумие. Сбой матрицы.

Он снова перевел взгляд туда, где только что стоял старик. И замер.

На влажном бетоне перил светился след. Он не был похож на обычную лужицу химического фосфора. Это была вязь символов, выжженная прямо в реальности. Они парили в мил-

лиметре над поверхностью камня, пульсируя мягким, внутренним светом холодного оттенка — нечто среднее между глубокой морской водой и старым рентгеновским снимком.

Символы напоминали одновременно скандинавские руны и кардиограмму умирающего сердца. Они складывались в короткую фразу, написанную изящной, каллиграфической вязью. Буквы постоянно перетекали одна в другую, сопротивляясь попытке человеческого мозга считать их форму.

Дмитрий подошел вплотную, замороженный этим сиянием. Тепло, исходящее от знаков, было единственным физическим ощущением, доступным ему с момента пробуждения. Он осторожно вытянул руку, ожидая, что пальцы пройдут сквозь свет, как проходили сквозь всё остальное.

Ладонь наткнулась на преграду. Невидимую, но твердую, как закаленное стекло. Световой узор оказался материальным. Более того — он реагировал на прикосновение.

Как только кончики пальцев Дмитрия коснулись границы свечения, символы пришли в движение. Они начали отрываться от бетона, собираясь в единую спираль. Свечение стало интенсивнее, больно резанув по глазам, привыкшим к полумраке. Воздух вокруг ладони стужился, создавая эффект статического электричества — волосы на руках встали дыбом.

А затем реальность моргнула.

Не было ни яркой вспышки, ни звука. Просто в одну миллисекунду существовал мост, река, запах гари и светящаяся надпись, а в следующую — всё исчезло.

Серый туман схлопнулся внутрь самого себя, превращаясь в идеальную точку абсолютной тьмы. Звук отключили полностью. Исчез гул ветра, плеск воды, далекий городской шум. Наступила тяжелая, бархатная тишина вакуума. Дмитрий перестал чувствовать собственные ноги. Он не падал, не летел, не стоял — понятие гравитации аннулировалось вместе с остальным миром. Осталось только зрение, фиксирующее эту бескрайнюю черноту, и то единственное чувство, которое невозможно ампутировать — собственное «Я».

Светящиеся символы вырвались из-под его ладони и зависли прямо перед лицом. Теперь они не составляли слов. Они вращались вокруг своей оси, распадаясь на отдельные геометрические элементы. Прямая линия. Угол в сорок пять градусов. Замкнутый круг. Перечеркнутый ромб.

Они входили прямо в зрительный нерв, минуя хрусталик. Информация транслировалась напрямую в кору головного мозга, обходя фильтры языка и логики.

[Ты вне потока.] Голос не звучал в ушах. Он формировался непосредственно в центре принятия решений. Сухой, лишенный эмоций системный протокол.

[Физический носитель признан непригодным. Биологическая оболочка утилизирована согласно пункту семь дробь четыре регламента перехода.]

Утилизирована. Слово упало в сознание тяжелым свинцовым шаром. Не умерла. Не погибла. Утилизирована. Как просроченный продукт, как сломанная мебель.

[Присутствие остаточного сознания в зоне первичной материализации создает энтропийный риск. Согласно статье двенадцать, ты подлежишь немедленному изъятию.]

— Куда? — крикнул Дмитрий в пустоту. Его голос вернулся к нему искаженным эхом, разбившись на тысячу шепчущих осколков. — Куда изъятию?!

[В Реквизиторий. Для сортировки.]

Перед словом «Реквизиторий» вспыхнула новая руна — острый, хищный клин, направленный вниз. Она вызывала ассоциацию с мясницким крюком.

— Я не вещь! — взревел Дмитрий. Паника переросла в чистую агрессию. Адреналин, которого не могло быть в бестелесном состоянии, ударил в вены фантомной болью. — Покажи мне свое лицо, трус!

Он бросился вперед, сквозь вращающиеся символы, готовый голыми руками разорвать саму суть этого бюрократического космоса. Он ожидал встретить сопротивление, стену, хоть что-то.

Но прошел сквозь свет беспрепятственно. Руны позади него рассыпались золотистым песком.

Чернота перед ним начала редеть, становясь сначала графитовой, потом сизой. Пространство обретало объем. Дмитрий зажмурился, готовясь к очередной пытке неизвестностью, а когда открыл глаза, понял, что стоит на коленях.

Под ногами был мрамор. Идеально белый, зеркально гладкий, холодный до состояния ожога. Он поднял голову.

Зала не имело конца. Потолок терялся где-то в стратосфере, поддерживаемый колоннами толщиной с секвойю. Стены отсутствовали — вместо них простирался тот же белый камень пола, уходящий в бесконечность. Освещение было равномерным, бестеневым, исходящим отовсюду сразу. Здесь не было верха и низа, только бесконечная плоскость.

И повсюду стояли люди.

Тысячи, десятки тысяч. Старые, молодые, мужчины, женщины, дети разных эпох и народов. Они стояли ровными, идеально прямыми рядами, тянувшимися за горизонт. Все смотрели строго перед собой. Их лица были абсолютно одинаковыми — лишенными всяких черт. Гладкие овалы из бледного фарфора, на которых не было ни глаз, ни рта, ни носа.

Они не дышали. Не переминались с ноги на ногу. Лишь иногда по гладкой поверхности чьего-нибудь лица пробегала тонкая трещина, словно пересыхающая земля, чтобы через секунду бесследно затянута.

Дмитрий вскочил на ноги, оглядываясь. Он узнал некоторых. Вот женщина в платье девятнадцатого века, сжимающая в руке кружевной платок. Вот советский рабочий в промасленной робе. Вот парень в спортивном костюме из девяностых, с массивной золотой цепью на шее. Призраки всех мастей.

— Эй! — Дмитрий подбежал к рабочему, схватил его за плечо. Рука встретила привычное сопротивление — эти тени были плотнее, чем он сам. — Мужик! очнись! Где мы?

Рабочий медленно, механически повернул к нему свою гладкую голову. Отсутствие черт пугало сильнее любой маски. — Линия двести четырнадцать, сектор «Б», — произнес он монотонным женским голосом, хотя тела принадлежали мужчинам. — Ждем распределения. Прошу сохранять дистанцию в полтора метра. Нарушители отправляются на переплавку.

Он отвернулся, снова впериw пустой взгляд в бесконечность.

Дмитрий отпустил его плечо, чувствуя, как остатки здравомыслия вытекают сквозь пальцы. Переплавка. Распределение. Реквизиторий.

Он отошел назад, пока не уперся спиной в одну из исполинских колонн. Прижавшись к прохладному камню, он сполз обратно на пол, подтянув колени к груди. Впервые за всю жизнь ему захотелось потерять сознание, просто выключиться, как перегоревшая лампочка, чтобы прекратить этот поток невыносимой, античеловеческой жути.

Где-то далеко, в противоположном конце бесконечного зала, воздух задрожал. Пространство пошло мелкой рябью, как вода от брошенного камня. Ряды безликих фигур синхронно, как единый механизм, сделали шаг вперед. Затем еще один.

Прямо из воздуха, рассекая белизну зала, начала проступать огромная арка. Она состояла из того самого пульсирующего света, который Дмитрий видел на мосту, только увеличенного в сотни раз. Арка была сделана из жидкого металла и чистой боли.

Когда формирование завершилось, из центра свечения выступила фигура.

Она не шла. Она выступала, продавливая собою ткань мироздания. Ростом вдвое выше самых высоких колонн, сотканная из переплетающихся черных нитей и серебряной проволоки. Вместо головы — сложный оптический прибор, состоящий из сотен вращающихся линз раз-

ного диаметра. Когда линзы фокусировались на ком-то из толпы, раздавался тихий щелчок, похожий на работу фотоаппарата.

Существо подняло правую руку. На месте кисти находилась гигантская канцелярская печать, покрытая засохшими чернилами цвета венозной крови.

Толпа безликих пришла в движение. Ряды ускорились, переходя на размеренный, ритмичный марш. Первые шеренги вошли в арку.

Дмитрий смотрел на это, парализованный ужасом. Он понимал, что следующим пойдет он. Что его аномальность — способность двигаться быстрее остальных, наличие остатков личности — не спасет его, а сделает целью номер один для этих механических богов-бухгалтеров.

Нужно бежать. Но куда? Везде лишь белый мрамор и ряды идущих на убой душ.

Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить хоть какую-то молитву. Бабушка водила его в церковь в детстве, но он запомнил только запах ладана и тяжесть деревянного пола. «Отче наш, сущий на небесах...» Слова путались, буквы соскальзывали.

Внезапно периферийное зрение уловило движение.

Совсем близко, слева от колонны, воздух сгустился иначе. Там, где должны были быть другие молчаливые фигуры, образовалась зона пустоты.

Дмитрий медленно повернул голову.

Там, прислонившись к мрамору небрежно, по-человечески сутулясь, стоял человек.

У него было лицо. Резкое, асимметричное, с глубокими складками у рта. Темные волосы спутаны, на левой скуле красовался свежий кровоподтек. Одет он был в обычные черные брюки и кожаную куртку-косуху, неуместную среди этой стерильной вечности. На ногах — тяжелые армейские берцы, оставляющие на белом полу едва заметные царапины.

Человек курил. Самая настоящая сигарета дымилась между его пальцами, источая густой, терпкий запах табака, перебивающий озоновую вонь этого места. Он выпустил кольцо дыма, которое красиво зависло в неподвижном воздухе, прежде чем начать медленно таять.

Гигант с печатями остановился. Сотни линз сфокусировались на курящем мужчине. Раздался усиленный акустикой зала металлический лязг: — **ОБЪЕКТ НЕ ИДЕНТИФИЦИРОВАН. СТАТУС: ИНОРОДНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ. ПОДЛЕЖИТ ЭКСТРАКЦИИ.**

Человек в косухе лениво приподнял бровь. Он затушил сигарету о белоснежную колонну, проигнорировав шипение испаряющегося мрамора, и усмехнулся, обнажив зубы слишком острые для обычного человека. — Попробуй, калькулятор ходячий, — сказал он низким, насмешливым голосом.

Гигант пришел в движение. Его нога размером с грузовик опустилась на пол, грозя раздавить наглеца.

Незнакомец не стал убегать. Он щелкнул пальцами.

Звук получился сухим и очень тихим. Но от этого хлопка белая бесконечность зала пошла трещинами. Реальность лопнула, как старое стекло. Гигант замер, его оптические линзы посыпались на пол дождем битого хрусталя. Толпа безликих душ замерла, начав осыпаться серым пеплом.

Пространство свернулось в воронку. Дмитрия подхватило незримым потоком и швырнуло в центр черной дыры. Последнее, что он успел увидеть — фигуру в косухе, которая подмигнула ему, сделала последнюю затяжку и шагнула прямо в разъедаемую кислотой пустоту вслед за ним.

Мир перевернулся.

Удар о землю выбил бы дух, будь он у Дмитрия. Он упал на мягкую, пружинящую поверхность. Запахи вернулись первыми: прелая листва, сырость глубокого погреба и слабый аромат озона, оставшийся после визита гиганта.

Здесь не было белого марева. Здесь царила ночь.

Дмитрий сел, ощупывая пространство вокруг. Под пальцами была трава. Настоящая, влажная от ночной росы. Над головой сквозь кроны старых, узловатых деревьев проглядывали две луны — одна большая, голубоватая, вторая маленькая, багровая, похожая на запекшуюся каплю крови.

Рядом раздался тяжелый, надсадный кашель.

Дмитрий обернулся. В трех шагах от него, привалившись спиной к стволу дуба, сидел его спаситель. Кожаной куртки на нем больше не было — она сгорела при переходе, оставив на предплечьях глубокие, странно выглядящие ожоги, похожие на печати. Он тяжело дышал, прижимая руку к левому боку. Между его пальцами сочилось тусклое серебристое свечение — не кровь, а какая-то энергетическая субстанция.

— Экстракция... всегда дерьмово заканчивается, — прохрипел он, переводя дух. Взгляд его темных, живых глаз сфокусировался на лице Дмитрия. Мужчина прищурился, изучая его. — А ты крепкий. Обычно новенькие после встречи с Архивариусом неделю пускают слюни в углу. Тебя выбросило чистым.

— Кто... что это было? — голос Дмитрия сорвался. Он обхватил себя руками, пытаясь согреться, но ночной холод не трогал его. — Где мы? Это рай? Ад?

Мужчина издал булькающий смешок, который перешел в новый приступ кашля. — Рай? — переспросил он, вытирая угол губ. — Парень, тебя списали в утиль. Мы в Межмирье. В Предбаннике. Место, куда скидывают бракованные души, транзитники и таких идиотов, как я, которые умудрились порвать билет в один конец.

— Мой билет... мое тело... — Дмитрий почувствовал, как к горлу подступает ком. — Они сказали, что оно утилизировано.

— Ну, технически так и есть, — пожал плечами незнакомец. — Мясо перестало функционировать. Нейроны погасли. Стандартная процедура. Твое сознание выплунуло сюда, потому что программа переезда дала сбой. Ты — статистическая погрешность. Мусор на конвейере.

Каждое слово вбивалось в сознание гвоздем. Мусор. Погрешность. Конвейер. Вся человеческая жизнь, любовь матери, университет, планы на отпуск летом — всё это оказалось всего лишь браком на фабрике душ.

— Зачем ты меня вытащил? — тихо спросил Дмитрий. — Там, в зале... ты рисковал ради случайного мертвеца?

Мужчина оттолкнулся от дерева и встал. Движения причиняли ему боль, но он держался ровно. Он подошел ближе, нависая над сидящим Дмитрием. Несмотря на раны, от него исходила волна первобытной, опасной силы.

— Мне нужен проводник, — просто ответил он. Его зрачки в свете голубой луны расширились, занимая почти всю радужку. — Тот, кто умеет ходить сквозь стены. Тот, чья связь с физической материей еще окончательно не оборвалась. Видишь ли, ошибка системы... дает определенные привилегии. Ты можешь касаться вещей обоих миров. А мне нужно попасть обратно. Домой.

— Обратно? — Дмитрий поднял на него взгляд. — Но ведь мое тело...

— Труп — это просто одежда, которую ты оставил в гардеробе, — отрезал мужчина. — Ее сожгли или закопали. Забудь. Вопрос в том, хочешь ли ты остаться здесь навсегда? Бродить промеж теней, слушать байки самоубийц и ждать, пока местная санитарная служба не решит отправить тебя на удобрения? Поверь, Реквизиторий, который ты видел — это цветочки. Дальше начинается настоящее чистилище. Вечная очередь без номера.

Дмитрий молчал, переваривая информацию. Страх никуда не делся, но к нему примешалось другое, новое чувство. Злость. Горячая, иррациональная злость на весь этот порядок вещей. На серого старика, на гиганта с печатью, на законы вселенной.

— Как тебя зовут? — спросил он, поднимаясь на ноги. Трава пружинила под кроссовками.

Мужчина криво улынулся, проверяя языком зуб, который едва держался в десне после стычки. — Можешь звать меня Каин. Хотя моя мама называла меня Григорием. Выбор за тобой.

— Григорий... Гриша, — повторил Дмитрий, примеряя имя. Оно не вязалось с инородной сущностью собеседника. — Меня зовут Дмитрий. Куда нам идти?

Каин-Григорий запрокинул голову к двум лунам, втягивая ноздрями воздух ночи. — Туда, — он махнул рукой на восток, где деревья росли особенно густо, образуя непроходимую стену мрака. — След ведет туда. Кровь Архивариуса отлично работает как компас. Главное, не наступай на местных слизней, они умеют высасывать воспоминания. И старайся не думать о доме слишком громко. Здесь мысль имеет вес кирпича.

Он похлопал себя по карманам, достал новую сигарету и, чиркнув колесиком старой бензиновой зажигалки, закурил. Искра на мгновение осветила его лицо, делая черты еще более резкими, почти демоническими.

— Добро пожаловать в настоящую смерть, Дима, — выдохнул он вместе с дымом. — Держись поближе ко мне, если не хочешь стать частью местного ландшафта. Идем. До рассвета нам нужно миновать Лес Тихих Историй. Говорят, деревья там сплетаются из голосов тех, кто умер, так и не сказав главного.

Каин шагнул в темноту первым, уверенно раздвигая ветви. Серебряное свечение его ран освещало путь на пару метров вперед.

Дмитрий постоял еще секунду, слушая стрекот невидимых насекомых и чувствуя на коже дыхание чужого мира. Затем он расправил плечи, сделал глубокий вдох безвкусного межпространственного воздуха и решительно двинулся следом за своим новым проводником, прочь от белого мрамора, подальше от судьбы переработанного мусора. Позади, в вышине, красная луна скрылась за верхушкой дуба, погружая лес в еще более густой, осязаемый мрак.

Глава 2. Красноволосая наставница

Лес Тихих Историй дышал. Это было не метафорой и не игрой воображения — буквально каждый вдох, который делал Дмитрий, наполнял легкие тяжелым, спертым воздухом чужого мира, пахнущим озоновой гарью, старой бумагой и застоявшейся болотной водой. Деревья здесь действительно состояли из голосов.

В первые полчаса пути Дмитрий пытался игнорировать этот факт, списывая шепот на ветер, играющий в кронах двух лун. Но ветра не было. Ветви старых дубов и искривленных осин висели абсолютно неподвижно, словно нарисованные тушью на черном картоне неба. А голоса звучали.

Они исходили от самой коры. Серые стволы были покрыты не мхом, а тончайшими слоями человеческой памяти. Если присмотреться внимательно, можно было различить текстуру: вот шелушится лоскут детского смеха, под ним проступает темное пятно неразделенной любви, а чуть левее пульсирует зеленоватая жилка невысказанного извинения отцу перед его смертью.

— Не слушай их, — бросил через плечо идущий впереди Каин. Его кожаный плащ, материализовавшийся взамен сгоревшего при переходе, тихо поскрипывал в такт шагам. Серебряная субстанция в его ранах пульсировала медленно, реагируя на биение невидимого сердца Межмирья. — Они пытаются влезть тебе в голову. Каждое дерево здесь — это кладбище чьей-то незавершенности. Остановишься, начнешь сочувствовать — останешься тут навсегда, проросшь корнями в землю и будешь вечно бормотать о том, как забыл выключить утюг.

Дмитрий ускорил шаг, стараясь ступать след в след за проводником. Он плотно сжал губы, боясь, что если откроет рот, то чужой голос выберется наружу вместо его собственного. Слева раздался громкий, отчетливый вздох. Из ствола березы, покрытой не черными полосами, а строками рукописного текста, выступила полупрозрачная женская фигура. Она потянулась к Дмитрию руками, сотканными из тумана и сожалений. — Я просто хотела сказать ему... — прошелестела она голосом старой учительницы литературы. — Просто сказать...

Каин, не оборачиваясь, выставил назад руку ладонью вперед. С кончиков его пальцев сорвалась тусклая искра. Она ударила привидение в грудь. Женщина вскрикнула, рассыпавшись ворохом пожелтевших писем, которые тут же втянулись обратно в ствол. — Местные призраки липкие, — пояснил Каин, перепрыгивая через поваленное бревно. — У них нет энергии двигаться дальше, но достаточно заряда, чтобы портить кровь прохожим. Эмоциональный вампиризм в чистом виде.

— Куда мы идем? — спросил Дмитрий, пытаясь перекричать нарастающий гул сотен историй вокруг. Ему казалось, что корни деревьев шевелятся под землей, пытаясь ухватить его за щиколотки. — К Вратам Архива, — ответил Каин. — Там сидит таможня. Если ты и правда избранный мусор Короля Душ, у тебя должна быть печать допуска. Если нет — нас пустят на органические удобрения для этого сада скорби. Кстати, поздравляю с первым днем смерти. Как ощущения? — Отвратительно, — честно признался Дмитрий.

Каин хрипло рассмеялся. Смех прозвучал диссонансом в этой библиотеке мертвых. — Вот! Уже прогресс. Большинство новоприбывших начинают с отрицания или философских бесед. Ты сразу переходишь к сути. Мне такие нравятся. Жаль только, жить тебе осталось минут десять.

Впереди между деревьями замаячил просвет. Густой черный полог леса расступился, открывая взгляду широкую просеку. На ней росла идеально ровная, коротко стриженная трава ядовито-салатового цвета. Посреди поляны возвышалось строение, которое никак не могло существовать в лесу.

Это была автобусная остановка советских времен. Облупившаяся желтая краска, мутное толстое стекло, железная лавочка со стершейся краской и расписание маршрутов «Марьино

— Кузьминки», прикрученное ржавыми болтами. Под козырьком горела лампа накаливания, излучающая мертвенно-оранжевый свет. Рядом с расписанием кнопкой был прищиплен плакат: «Не стой под стрелой. Переход в Лимб временно закрыт по техническим причинам».

— Общественный транспорт загробного мира, — фыркнул Каин, выходя из-под деревьев. — Самый быстрый способ добраться до Центрального Узла. Главное — не садись в маршрутку номер тринадцать. Она едет напрямик в глотку Левиафану.

Дмитрий вышел на поляну вслед за ним. Трава под кроссовками пружинила слишком сильно, подбрасывая ноги вверх при каждом шаге. Воздух здесь стал чище, шепот деревьев остался позади, сменившись монотонным гудением электричества от лампы на остановке.

Каин подошел к железной лавочке, поморщился, достал из кармана брюк носовой платок сомнительной чистоты, постелил его и сел, вытянув раненую ногу. — Сейчас начнется самое веселье, — сказал он, закуривая новую сигарету. — Таможня терпеть не может несанкционированные выбросы сознания. Будут проверять твою матрицу на наличие скверны. Совет: когда спросят о самом большом грехе, не говори про украденную в детстве шоколадку. Они любят драматизм. Соври что-нибудь пафосное. Например, что утопил котенка. За ложь они наказывают меньше, чем за скучную правду.

Дмитрий хотел спросить, кто именно будет спрашивать, но слова застряли в горле. Из-за остановки вышла девушка.

Она появилась бесшумно. Ее шаги не приминали салатную траву. Первой Дмитрий заметил копну волос. Они не были просто рыжими или красными — это был чистый, концентрированный рубиновый цвет, какой бывает у раскаленного металла или артериальной крови. Волосы тяжелой волной спадали ниже лопаток, слегка развеваясь на несуществующем ветру.

Девушка была одета в длинное пальто цвета мокрого асфальта, перехваченное широким кожаным ремнем. Под распахнутым воротом виднелась белая водолазка. Никакого оружия, никаких знаков отличия. Только глаза. Огромные, миндалевидные, глубокого фиолетового оттенка, в котором тонули зрачки. Когда она посмотрела на Дмитрия, ему показалось, что на него направили два прожектора, высвечивающих все темные углы его души.

Каин поперхнулся дымом. Он резко выпрямился, сбрасывая с себя маску ленивого циника, и попытался встать, опираясь на больную ногу. Вышло неуклюже. — Мария, — выдохнул он, и в этом имени впервые за всё время прозвучала неуверенность. — Старший Инспектор Контрольно-пропускного пункта сектора Гамма. Я думал, вы курируете Южный Склеп.

Девушка проигнорировала его. Ее взгляд скользнул по лицу Каина, задержался на его сочащихся серебром ранах с легким оттенком брезгливости, а затем полностью переключился на Дмитрия.

Она сделала три шага навстречу. Дмитрий инстинктивно отступил на полшага назад, пока не уперся спиной в холодное стекло остановки. — Трепыхание бесполезно, — произнесла она. Голос Марии оказался лишен ожидаемой мелодичности. Он был низким, бархатным, но внутри него чувствовался стальной каркас абсолютной власти. Так говорят хирурги перед ампутацией. — Григорий потерял право на панибратство еще двести лет назад, когда проиграл свою память в карты демону Азазоту. Называй ее Марией. Меня тоже. Мы не друзья. Мы элементы системы.

— Я... я Дмитрий, — выдавил он. Горло пересохло окончательно.

— Я знаю, кто ты, — Мария подошла вплотную. Она была выше его ростом почти на полголовы, отчего приходилось смотреть на нее снизу вверх. — Ты статистическая аномалия. Мусор на ленте конвейера Реквизитория. Ошибка протокола извлечения, которая позволила твоей квантовой оболочке сохранить когерентность вне физического носителя.

Она подняла правую руку. На ее указательном пальце вспыхнуло кольцо из того же пульсирующего света, что и символы на мосту. Кольцо начало расширяться, превращаясь в сложный геометрический чертеж, висящий прямо в воздухе между ними.

— Стандартная процедура диагностики требует изъятия остаточного эго для предотвращения заражения Измерения, — продолжила Мария, холодно глядя Дмитрию в глаза. — Обычно такие, как ты, распадаются на базовые эмоции в течение первых суток. Страх превращается в туман, гнев — в базальт, любовь — в соль. Но твой случай иной. Твоя структура сопротивляется энтропии. И причина этому кроется не в тебе.

Ее палец коснулся центра чертежа. Пространство вокруг задрожало. Автобусная остановка позади Марии пошла мелкой рябью, теряя очертания. Вместо желтой краски проявились стены из белого мрамора, бесконечные ряды безликих душ и гигантская фигура Архивариуса с печатями. Видение длилось долю секунды и схлопнулось обратно в лесную поляну.

— Тебя выбрали, — сказала Мария. Слово упало в тишину тяжело, как надгробие. — Лично.

— Кто? — прошептал Дмитрий. — Тот великан с линзами?

Мария едва заметно скривила уголки губ. Вероятно, это должно было означать улыбку. — Король Душ. Первый Первороденный. Тот, кого примитивные религии ваших предков называли Саваофом, Аллахом или Абсолютом. Хотя сам он предпочитает титул Хранителя Равновесия.

Дмитрий моргнул. Информация отказывалась укладываться в голову. Бог выбрал его? Обычного парня, работавшего менеджером по продажам строительных смесей, забывшего позвонить матери в прошлое воскресенье и имевшего неоплаченный штраф за парковку? Почему не мать Тереза? Почему не Гагарин? Почему системный брак?

— Должно быть какое-то недоразумение, — пробормотал он. — Я ничего не умею. Я даже машину нормально водить не научился.

— Нам плевать на твои водительские права, — отрезала Мария. Она опустила руку, и чертеж погас. — Физические навыки в нашем деле вторичны. Важно состояние ядра. Твое ядро чистое. Оно никогда не подвергалось воздействию истинной скверны.

Она повернула голову к Каину, который замер у лавочки, делая вид, что крайне заинтересован дымящейся сигаретой. — Что касается тебя, Григорий. Ты нарушил протокол прямого вмешательства. Экстракция объекта из-под носа Архивариуса карается полным форматированием личности. Тебе повезло, что объект нужен нам функциональным. До завершения миссии ты прикреплен к нему в качестве телохранителя. Попробуй сбежать или предать — твоя сущность будет использована как топливо для фонарей в Нижнем Городе. Понял?

Каин молча кивнул, затапывая окурок каблуком. Вся его развязность испарилась, оставив лишь напряженную готовность хищника.

Мария снова перевела взгляд на Дмитрия. Теперь в ее фиолетовых глазах читалось нечто похожее на усталость. — Слушай меня очень внимательно, Дмитрий. У тебя есть одна попытка понять устройство мироздания. Второй раз объяснять я не буду.

Она отошла на пару шагов назад и начала говорить. Ее речь текла ровно, четко расставляя акценты, вбивая факты в сознание Дмитрия, как гвозди.

— То, что люди называют Вселенной — лишь один из слоев. Физический план. Над ним существует Тонкий Мир, где формируются идеи. А над всем этим находится Измерение Душ — первичный океан чистой эссенции. Душа человека — это капля, отделенная от этого океана для получения опыта. После смерти тела капля возвращается. Почти всегда.

Но около трехсот лет назад по вашему летоисчислению произошел инцидент. Группа высокоуровневых сущностей, отвечавших за баланс страстей, получила доступ к Первородному Хаосу. Это энергия творения, не имеющая вектора. Смешиваясь с разумом, Хаос порождает Скверну.

Скверна меняет саму структуру души. Светлые чувства — сострадание, жертвенность, надежда — становятся для таких душ токсичными. Боль других становится для них единственным источником питания. Они начали пожирать себе подобных. Не убивать, а именно погло-

щать матрицы, переваривая опыт миллионов людей, чтобы стать сильнее. Мы называем их Темными Душами. Или Потрошителями.

— Демоны? — уточнил Дмитрий. — Демоны — это обслуживающий персонал нижних уровней, низкоквалифицированная рабочая сила, — поморщилась Мария. — Потрошители — это падшие ангелы, бывшие судьи, стражи и творцы. Они создали армию из тех несчастных, чьи оболочки оказались недостаточно прочными во время перехода. Началась война.

Светлые силы сдерживали их тысячелетиями. Но Потрошители нашли лазейку. Граница между миром живых и Измерением Душ истончилась. Раньше человек умирал, и его душа проходила фильтрацию. Теперь, из-за постоянных войн, терактов и эпидемий на Земле, поток стал слишком плотным. Система трещит по швам.

Король Душ принял решение изменить тактику. Мы больше не можем просто ждать, пока души пройдут очистку. Нам нужны оперативники *внутри* потока. Те, кто сможет идентифицировать Потрошителей до того, как они поглотят очередную тысячу беженцев.

Мария сделала паузу, давая Дмитрию осознать масштаб катастрофы. — Проблема в том, что любая чистая душа, вступившая в прямой контакт со Скверной, сгорает за секунды. Наши лучшие войны превратились в пепел. Нужен посредник. Носитель, чья связь с материей настолько слаба, что Скверна не может зацепиться за него своими крючьями, но при этом обладающий достаточной волей, чтобы формировать энергетическое оружие.

Она подошла так близко, что Дмитрий почувствовал запах озона, исходящий от ее кожи. — Ты, Дмитрий — идеальный растворитель. Ты уже умер. Твоего тела нет. Скверне нечего в тебе разрушать. Но твое сознание живо. Ты можешь касаться Темных Душ голыми руками и выжигать их резонансом своей человечности. Ты — антидот.

Дмитрий стоял, оглушенный водопадом информации. Война ангелов. Космический апокалипсис. И он — тряпка, которую решили использовать для мытья пола в эпицентре взрыва. — Почему я? — повторил он свой главный вопрос, потому что никакой другой формулировки его мозг выдать не мог. — Я никто. Я трус. Когда маршрутка завалилась, я даже не помог той женщине, я просто смотрел в окно!

— Именно поэтому, — жестко ответила Мария. — Герои предсказуемы. Их легко заманить в ловушку гордостью. Ты же руководишься страхом и чувством вины. Эти две вещи делают тебя невероятно осторожным. А осторожность — единственное, что поможет тебе дожить до завтрашнего утра.

Она протянула руку. На ее ладони лежал предмет, которого секунду назад там не было. Небольшой серебряный компас классической формы. Стрелка крутилась бешено, не находя севера. — Это Атлас Блуждающих. Он настроен на частоту Скверны. Где бы ни появился Потрошитель, стрелка укажет вектор. Чем ближе цель, тем горячее корпус.

Дмитрий недоверчиво посмотрел на прибор, потом на лицо Марии. — А если я откажусь? Просто скажу «нет» и пойду искать выход обратно к тому белому залу?

Лицо Марии стало каменным. Фиолетовые глаза потемнели почти до черноты. — Обратного хода нет, Дмитрий. Твой поезд ушел вместе с телом. Выбор стоит не между «сражаться» и «жить спокойно». Выбор стоит между «стать оружием Света» и «стать кормом». Если ты откажешься, Каин перережет нить твоего сознания прямо сейчас. Это будет милосерднее, чем те муки, которые тебе уготованы в случае отказа. Без цели и защиты Измерение Душ перемелет тебя за неделю. Ты станешь одним из тех деревьев в лесу. Вечно будешь рассказывать свои кошмары камням.

Дмитрий перевел взгляд на Каина. Тот больше не выглядел расслабленным бандитом. Он стоял навтыжку, держа руки по швам, и в его глазах плескалась смесь жалости и профессионального равнодушия палача. Он ждал приказа.

Холод, который Дмитрий чувствовал с момента аварии, вдруг сменился ледяной ясностью. Это был не героизм. Героизм предполагает выбор ради высшей цели. У него выбора не было. Была только стена сзади и пропасть впереди.

Он подумал о матери. О том, что если он станет пылью в этом сером мире, она никогда не узнает, куда он исчез. Будет ждать звонка, обзванивать морги, сходить с ума от неизвестности. Возможно, если он согласится, если выполнит эту работу... Может быть, система позволит отправить весточку? Передать ощущение, что с ним все в порядке, насколько это возможно для мертвеца.

Дмитрий медленно поднял дрожащую руку и взял компас. Металл обжег пальцы неожиданным жаром. Стрелка дернулась и замерла, указывая точно на восток, в самую густую часть леса, откуда они пришли. — Горячий, — констатировал Дмитрий. — Значит, рядом?

— Учебный противник, — кивнула Мария. Похоже, удовлетворение мелькнуло в ее взгляде лишь на мгновение, прежде чем оно снова сменилось маской строгого инспектора. — Низший уровень Скверны. Искусственный конструкт, созданный для инициации новичков. Чтобы ты понял механику процесса, не потеряв конечности.

— Как... как мне сражаться? — Дмитрий сжал кулак, пытаясь почувствовать хоть какую-то силу. Внутри была та же ватная пустота. — У меня даже палки нет.

Мария закатала рукав своего пальто. На ее предплечье, бледном, как фарфор, обнаружилась татуировка сложного алхимического символа. — Оружие формируется из воли, — сказала она. — Представь то, чего боишься потерять больше всего. Для большинства воинов это честь или долг. Для тебя это будет...

— Незнание, — закончил за нее Дмитрий. — Страх остаться в темноте навсегда. Страх причинить боль своим отсутствием.

— Хорошее топливо, — одобрила Мария. — Закрой глаза. Почувствуй вакуум там, где раньше были органы. Наполни его этим страхом. Дай ему форму.

Дмитрий зажмурился. Сердце, которого не существовало, забилося чаще. Он представил материнскую квартиру. Старый сервант, фото отца в рамке, пыльный фикус на подоконнике. Мысль о том, что он больше никогда не отопрет дверь своим ключом, обожгла изнутри. Эта острая, несправедливая тоска кристаллизовалась в груди.

Он направил этот импульс вниз, в руку, сжимающую компас. Жар серебра усилился, становясь невыносимым.

Открой глаза.

Голос Марии прозвучал прямо в черепе.

Дмитрий распахнул веки.

Его правая рука больше не была пустой. В ней покоилась рукоять меча. Лезвие не имело металлической структуры — оно состояло из сжатого, вибрирующего воздуха, твердого, как алмаз, и прозрачного, как родниковая вода. По режущей кромке пробегали тонкие белые молнии. Меч весил ровно столько, сколько Дмитрий готов был поднять — физика подстроилась под возможности оператора.

— Энергетический клинок Резонанса, — пояснила Мария, обходя его кругом. Ее красные волосы казались еще ярче в свете клинка. — Базовая форма. Длина регулируется мысленно. Хват изменяем. Не пытайся фехтовать им, как шпагой. Им нужно резать узлы напряжения в ауре противника.

Каин присвистнул, разглядывая оружие. — Чистое пламя Логоса, — пробормотал он. — Давненько я не видел такого чистого выхлопа. Парень, да ты натуральный аккумулятор.

— Тише, Григорий, — осадила его Мария. Она вернулась на позицию напротив Дмитрия. — Конструкт ждет. Он прячется за остановкой. Он выглядит как человек, но пахнет жженым пластиком и детским криком. Твоя задача — уничтожить его физическую проекцию. Бей в центр грудной клетки, там находится узел-якорь. Готов?

Дмитрий перехватил рукоять обеими руками. Прозрачный клинок тихонько гудел, входя в резонанс с его зубами. — А что будет, если я умру во второй раз? — спросил он внезапно.

— Тогда мы найдем другого неудачника, — пожалла плечами Мария. — Ресурсный резерв Короля практически неисчерпаем. Вопрос лишь во времени. Пока мы ищем замену, Потрошитель, стоящий за конструктором, сожрет еще десяток заблудших душ. Время в Измерении течет иначе, чем на Земле. Каждая минута вашего промедления там — это целые кладбища.

Слово «кладбища» сработало лучше любого стимула. Дмитрий стиснул зубы. — Хорошо, — сказал он. — Я попробую.

Мария удовлетворенно кивнула. — Григорий, — бросила она, не поворачиваясь. — Следи за периметром. Если увидишь блуждающие тени — отбрасывай, но не вмешивайся в учебный бой. Это его диплом.

— Есть, мэм, — буркнул Каин, доставая из внутреннего кармана плаща короткий обрез двустволки, заряженный синим светом. Он занял позицию у края поляны, скрывшись в высокой траве.

Мария щелкнула пальцами. Желтый свет лампы на автобусной остановке мигнул и погас. Салатная трава почернела, покрываясь инеем. Температура упала градусов на двадцать. — Он идет, — сообщила Мария, вытаскивая из ножен на своем бедре собственный клинок — классический европейский бастард, сияющий золотом. — Помни: бей в сердце. Никаких переговоров. Эти существа понимают только язык боли.

Тень за пластиковым павильоном остановки пришла в движение. Она не имела четких очертаний, колыхаясь, как бензин на воде. Затем тьма уплотнилась, приобретая гуманоидный силуэт. Две красные точки загорелись там, где должны быть глаза. Существо издало звук — не рычание и не крик, а скрежет ногтей по школьной доске, умноженный на сто. Звук отчаяния всех детей, которых никто не забрал из садика.

Оно вышло на свет. Ростом под два метра, сгорбленное, с непропорционально длинными руками, заканчивающимися костяными серпами. Кожа отсутствовала — существо состояло из переплетенных черных жгутов гниющей нервной ткани.

Дмитрий почувствовал, как ком тошноты подкатывает к горлу. Разум кричал бежать, прятаться за спину суровой девушки с красными волосами. Но тело, ведомое чистым адреналином отсутствия жизни, само сделало шаг вперед.

Потрошитель прыгнул. Расстояние в пятнадцать метров он преодолел одним отталкивающимся от земли движением. Костяные серпы свистнули в воздухе, метя Дмитрию в шею.

Время замедлилось.

Прозрачный клинок в руках Дмитрия взвыл, активируя защитные протоколы. Дмитрий не думал. Мышечная память, которой у него никогда не было, взяла управление на себя. Он ушел вправо, проваливаясь под удар, сгибая колени. Рукоять легла в ладони так удобно, словно родилась вместе с ним.

Разворот корпуса. Взмах сверху вниз.

Клинок вошел в черную массу плеча Потрошителя без сопротивления. Раздался оглушительный визг ультразвука. Черные жгуты, составляющие тело твари, вспыхнули слепящим белым светом по линии разреза.

Дмитрий вырвал клинок, отпрыгивая назад. Потрошитель пошатнулся. Его правая рука отвалилась и рассыпалась пеплом. Но он не умер. Из раны вместо крови полезли новые, извивающиеся черные нити, пытающиеся схватить Дмитрия за ботинок.

— Узел! Целься в узел! — крикнула Мария, оставаясь на месте. Она наблюдала за боем с интересом энтомолога. — Не кромсай его на куски, он регенерирует!

Дмитрий снова занес меч. Существо ринулось на него, раскрыв зубастую пасть, уходящую глубоко в грудную клетку. В центре этой пасти билось багровое, воспаленное сердце размером с футбольный мяч.

— Мама, прости! — выкрикнул Дмитрий первое, что пришло в голову, вкладывая в удар всю свою вину, весь ужас перед вечностью и отчаянное желание исправить хотя бы одну ошибку.

Клинок обрушился вниз.

Он вошел точно между ребрами конструкта, пронзая багровое сердце.

Взрыв.

Потрошителя выгнуло дугой. Багровая вспышка вырвалась из его спины, сжигая остатки черного каркаса. Существо рухнуло на траву и начало стремительно испаряться, издавая финальный звук лопающегося мыльного пузыря. На месте битвы осталась лишь небольшая воронка в черной земле и запах озона.

Наступила тишина. Такая глубокая, что зазвенело в ушах.

Дмитрий стоял посреди поляны, тяжело дыша. Прозрачный меч в его руке начал мерцать, теряя плотность. Он становился тяжелее с каждой секундой. Дмитрий разжал пальцы. Клинок упал на траву и растаял лужицей серебристой ртути, которая тут же впиталась в почву.

Руки дрожали. Не от усталости мышц — мышцы остались такими же невесомыми, как и были. Дрожало само сознание, столкнувшееся с фактом убийства. Пусть это был конструкт, учебное пособие, но агония, которую он испытал, была настоящей.

Каин вышел из травы, пряча обрез. Он хлопнул Дмитрия по плечу. Рука была тяжелой. — Для первой попытки — грязно, но эффективно, — оценил он. — Ты двигался, как мешок с картошкой, пропустил три удара слева, и если бы это был настоящий Высший Потрошитель, твоя душа сейчас украшала бы его коллекцию вставной челюстью. Но ты выжил. Поздравляю, стажер. Кровь пойдет тебе на пользу.

Дмитрий не нашел в себе сил ответить. Он смотрел на свои ладони, ожидая увидеть там грязь или коготь, но кожа была чистой.

Мария подошла к нему. Она вложила свой золотой меч в ножны одним плавным движением. Вблизи, при отсутствии боевого азарта, она казалась еще более нереальной. Идеальная кожа, идеальные черты лица, нарушаемые только смертельной усталостью в глубине глаз. — Неплохо, — произнесла она. Compliment из ее уст звучал как приговор Верховного суда. — Ядро стабильное. Реакция адекватная. Жалость подавлена инстинктом самосохранения.

Она сняла с шеи тонкий шнурок, на котором висел небольшой металлический жетон, похожий на армейский «собачий жетон». — Носи это, — она надела жетон на Дмитрия. Холодный металл коснулся ключицы. На жетоне была выгравирована одна буква: «Ω». — Омега-метка. Любой патруль Измерения теперь видит в тебе санкционированный элемент. Попытка ареста аннулируется. Однако она же делает тебя маяком. Потрошители будут чувствовать твой чистый резонанс за километры. Так что привыкай постоянно оглядываться.

Дмитрий машинально сжал жетон в кулаке. — Что теперь? — спросил он. Голос звучал хрипло и незнакомо. — Куда мы идем?

— Теперь мы идем пить чай, — неожиданно мягко сказала Мария, поворачиваясь к востоку. — Настоящий земной чай. Здесь, в Центральном Узле, есть одно место... Земля считается карантинной зоной, закрытой для посещений. Но буфет на нулевом этаже Башни Спектра имеет лицензию на контрабанду вкусов. Тебе нужно восстановить калории. Призраки не едят, но шоковое истощение астрального тела лечится углеводами.

Она двинулась вперед, уверенно ступая по выжженной земле. Каин догнал Дмитрия и пошел рядом, засунув руки в карманы. — Добро пожаловать в Корпус, парень, — тихо сказал он, понижая голос так, чтобы Мария не слышала. — Официально ты — Спаситель Человечества. Неофициально — самый опасный кусок сыра в мышеловке вселенной. Держись поближе к даме. Красноволосые наставницы вроде нее обычно имеют самый высокий процент выживаемости среди своих учеников. Правда, сами ученики редко живут дольше года. Но зато какая запись в личном деле!

Дмитрий слабо усмехнулся. Юмор ситуации был чудовищным, но он помогал не сойти с ума. Они вышли с поляны и направились вдоль опушки, туда, где горизонт начинал светлеть, предвещая рассвет в Измерении Душ. Лес Тихих Историй оставался позади, но Дмитрий знал наверняка: голоса, запертые в деревьях, будут преследовать его слух еще очень долго. Впрочем, теперь у него хотя бы появилось имя собственному страху. И приказ, объясняющий, зачем этот страх нужно преодолевать.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.